

ПРОТИВОРЕЧИЕ, ПАРАДОКС И АБСУРД (К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ)

Клецкая Светлана Ильинична

Кандидат филологических наук, доцент, Южный
федеральный университет (Ростов-на-Дону)
kleckaja@inbox.ru

CONTRADICTION, PARADOX AND ABSURDITY (ON THE QUESTION OF THE RELATION OF CONCEPTS)

S. Kletskaia

Summary: The article describes the differentiation of two types of contradiction — internal (belonging to the speech of one person) and external (realized in the words of different subjects). The role of this distinction in the description of various types of absurd and paradoxical statements is demonstrated. It is shown that the actual inconsistency of a statement is a special case of ambiguity and at the same time underlies linguistic phenomena that are neither paradoxical nor absurd. Unlike other forms of actualization of contradiction, both paradox and absurdity require the simultaneous realization of opposite meanings.

Keywords: contradiction, paradox, absurdity, liar's paradox, paralipsis, impossibilia.

Аннотация: В статье описывается разграничение двух типов противоречия — внутреннего (принадлежащего к речи одного лица) и внешнего (реализующегося в словах разных субъектов). Демонстрируется роль этого разграничения в описании различных типов абсурдных и парадоксальных высказываний. Показывается, что актуальная противоречивость высказывания является частным случаем многозначности и при этом лежит в основе языковых явлений, которые не являются ни парадоксальными, ни абсурдными. В отличие от других форм актуализации противоречия, и парадокс, и абсурд требуют одновременной реализации противоположных смыслов.

Ключевые слова: противоречие, парадокс, абсурд, парадокс лжеца, паралепсис, импоссибилия.

С точки зрения его дискурсивной реализации противоречие не является однородным феноменом. Если исходить из представления о противоречии как актуализации двух противоположных смыслов, то можно выделить виды противоречия в зависимости от того, как эти противоречивые смыслы локализованы в дискурсе. С этой точки зрения внутреннее противоречие, существующее исключительно в высказываниях одного человека, противопоставляется внешнему противоречию, которое связано с противоречием высказываний разных субъектов. Данное разграничение коррелирует с некоторыми другими разграничениями, существенными с точки зрения описания парадокса, абсурда и смежных явлений.

Внешнее противоречие имеет две основных формы. Во-первых, некоторое высказывание может вступить в противоречие с другим высказыванием в ситуации, когда оба высказывания произведены разными лицами. Этот случай в обсуждаемом контексте вряд ли представляет интерес: расхождение в мнениях составляет реальность человеческой коммуникации и вряд ли может быть источником абсурда или парадокса. На внешних противоречиях этого типа — противоречиях между высказываниями разных людей — основана риторическая модель коммуникации, в которой носители диаметрально противоположных точек зрения вступают друг с другом в конкуренцию либо оратор убеждает своих слушателей в определенном положении (в последнем

случае предполагается, что аудитория убеждений оратора не разделяет).

Другая форма внешнего противоречия предполагает несоответствие некоторой мысли мнениям, представлениям, фактам или знаниям о действительности. Может показаться, что внешнее противоречие этого типа тоже не имеет значения для анализа языковых феноменов абсурдности и парадоксальности. Однако это не является верным.

Дело в том, что парадокс в одном из его пониманий, распространенном и в логике, и в науках филологического цикла, предполагает отрицание общераспространенного мнения, которое кажется безусловно правильным [4, с. 592; 7, с. 431; 9, с. 682]. Парадокс — это «утверждение или изречение, противоречащее общепринятым понятиям или (часто только внешне) здравому смыслу» [1, с. 592]. Другими словами, парадокс — это мысль, которая странна и абсурдна лишь на первый взгляд, но при внимательном рассмотрении оказывается глубокой и верной. Парадокс — «нечто противоречащее ожиданию слушателя», «неожиданное» [14, с. 13].

Знания о действительности и общепринятые представления о ней в строгом смысле не являются утверждениями, однако они могут быть легко вербализованы, а потому представляют собой как минимум имплицитное, гипотетическое суждение. При этом не обязательно,

чтобы суждение, отражающее мнения и представления о действительности, в текущей ситуации было кем-то произнесено. Достаточно, что оно может быть произнесено, в том числе **после** предъявления абсурдного или парадоксального высказывания (например, в качестве реакции на него или комментария по его поводу). Более того, автор парадоксального или абсурдного высказывания намеренно строит свою речь таким образом, чтобы она вступила в противоречие с общепринятыми представлениями о действительности. Следовательно, эти «правильные» представления в его сознании также присутствуют.

Это можно показать на примере импоссибилий (небылиц). Рассмотрим в качестве примера следующую историю (приводится в работе [10, с. 100]): *Сидят два слона. Вяжут. Летит корова. Через некоторое время вторая. Затем третья. Один слон обращается к другому: Послушай, может у них там гнездо?* Естественной реакцией эту на импоссибилию является явное указание на моменты несоответствия устройству действительности: «Слоны не вяжут, потому что у них нет рук», «Слоны не умеют разговаривать», «Коровы не летают», «Коровы не живут в гнездах» и т. д. Примечательно, что многие примеры небылиц, встречаемых в русском фольклоре, построены на основе инверсии отношений между явлениями действительности и являются результатом трансформации, совершаемой над правильным, правдоподобным утверждением, ср.: *Пошел я на лыко гору драть; увидал, на утках озеро плавает* (← *Пошел я на гору лыко драть; увидал, на озере утки плавают*) [12, с. 212], а также цитируемую разными авторами фразу *Ехала деревня мимо мужика* (← *Ехал мужик мимо деревни*). В этом также можно увидеть проявление косвенного присутствия «правильного» суждения, на противоречие с которым абсурдное высказывание опирается. «Правильное» суждение как бы сопровождает парадокс и так или иначе актуализируется в процессе интерпретации парадоксального высказывания. Парадокс как бы формирует собственный контекст, в котором «правильное» суждение как минимум подразумевается. И это суждение является внешним по отношению к парадоксу, пусть даже оно воплощает обобщенный, безличный «голос здравого смысла».

В качестве иллюстраций парадоксальных суждений В.П. Москвин приводит такие афоризмы, как *Я знаю, что я ничего не знаю* (Сократ), *Собственность — это воровство* (Прудон). Парадоксальность в этом случае предполагает, что противоречивость является лишь поверхностным эффектом парадоксального высказывания, которое в действительности обладает глубоким смыслом. В частности, приведенное высказывание П.-Ж. Прудона выражает довольно очевидную идею, что присвоение некоторого блага, превращение его в собственность лишает возможности пользоваться этим благом других

людей, а следовательно, может рассматриваться как своего рода воровство по отношению к тем, кто данного блага лишен. Кроме того, воровство существует только там, где существует собственность, — в обществе, в котором частной собственности не существует, воровство как таковое невозможно в принципе. Выражаемое Прудоном представление может вызывать обоснованные возражения и, тем более, не является истиной в последней инстанции. Но мы вряд ли можем утверждать, что данное суждение является бессмысленным или абсурдным. А это означает, что данное высказывание может быть понято. Правда, для его понимания мы должны кардинально переосмыслить закрепившееся в массовом сознании соотношение понятий собственности и воровства.

Пословица *Тише едешь — дальше будешь*, которую упоминает В.П. Москвин [9, с. 683], также парадоксальна лишь на первый взгляд. Она противоречит лишь общему представлению, в соответствии с которым расстояние может быть преодолено с разной скоростью и чем выше скорость, тем быстрее расстояние преодолевается. Это представление — своего рода «наивная физическая модель», основанная на абстракции и предполагающая отвлечение от множества дополнительных факторов. Пословица указывает на ее ограниченность: тот, кто стремится к цели не спеша и осмотрительно, на пути к ней больше застрахован от ошибок, осложнений и неприятностей, чем тот, кто спешит. «Парадоксальность» этой поговорки обусловлена ее противоречием по отношению к *поверхностному* убеждению, с которым данная поговорка полемизирует. Саму поговорку можно рассматривать как результат трансформации гипотетического утверждения, которое она отрицает, путем замены в нем слова (например, **Шибче едешь — дальше будешь**).

Дополнительным фактором формирования этой кажущейся парадоксальности является отсутствие обоснования, то есть объяснения, почему в процессе достижения цели не стоит быть поспешным. В силу афористичности поговорки это обоснование адресат должен отыскать сам, и, когда оно будет найдено, парадоксальность поговорки окажется иллюзорной. Вряд ли можно не согласиться с тем, что понимаемый так парадокс обладает высоким эвристическим и дидактическим потенциалом [9, с. 683]. Устранение первичного непонимания в результате интеллектуального усилия и есть проявление этого эвристического и дидактического потенциала поговорки.

Внутреннее противоречие, как уже было указано, полностью принадлежит к речи одного субъекта. Оно также не является однородным, причем формы, которое оно способно принимать, более разнообразны.

Противоречие — это феномен мышления и смысла, а потому основной его формой является чисто **смысло-**

вое противоречие. Наиболее ярким примером могут служить некоторые парадоксы. Так, парадокс лжеца в форме *Данное высказывание является ложным* принадлежит исключительно к плоскости смысла и реализуется через механизмы логического вывода. Такое понимание парадокса (в отличие от обозначенного ранее) носит чисто логическую природу: парадокс — это «рассуждение, приводящее к взаимоисключающим результатам, которые в равной мере доказуемы и которые нельзя отнести ни к числу истинных, ни к числу ложных» [7, с. 431]. Это понимание закреплено как в логике [6, с. 178] (где оно, по всей видимости, является исходным, основным), и в науках филологического цикла [2, с. 205]. Отметим, что в отдельных определениях парадокса понимание данного явления как логического противоречия между посылками и выводом сосуществует с его трактовкой как противоречием закрепившемуся, общераспространенному мнению (см., например, только что процитированный словарь Н.И. Кондакова).

Семантическое (чисто смысловое) внутреннее противоречие является самой сложной и разнообразной категорией. Анализ реализации внутреннего противоречия в высказываниях показывает, что его проявления не ограничиваются парадоксом и абсурдом, а это делает необходимой постановку вопроса об исключении смежных явлений. Прежде всего, актуализированное в высказывании противоречие следует отличать от актуализированной многозначности. Актуализированная многозначность шире, чем противоречие; противоречие является частным случаем многозначности. В каламбурной зевгме *ломаю перья и привычки* деепричастие одновременно выражает два разных значения, обозначая и физическое действие, и вынужденное изменение привычного поведения. Однако актуализированные несовместимые значения не противоречат друг другу. Два значения, будучи значениями одного слова, связанными между собой лексической деривацией, лишь отличаются друг от друга, и каждое из них является осмысленным в сочетании с дополнением. В этом отношении предложенное Ж. Делезом определение парадокса как утверждения двух смыслов одновременно [5, с. 9] представляется избыточно широким. Фактически такое определение охватывает любые формы многозначности и многосмысленности, но не все они являются парадоксом. К этому следует добавить, что многозначное высказывание не обязательно абсурдно или алогично — скорее, в общем случае оно «внелогично». Требование однозначности в риторике мотивировано таким качеством речи, как ясность, поскольку ясность высказывания в большей степени гарантирует его понимание и, как следствие, эффективность воздействия. Однако исключать многозначные высказывания — значит избыточно настаивать на примате логики. В отдельных контекстах (поэзия, остроумие, языковая игра и т. д.) многозначность оказывается даже желательной.

Не всякая актуализация противоречия в высказывании ведет к образованию парадокса или абсурда. В качестве доказательства можно вспомнить основанные на контрасте тропы (иронию, сарказм, антифразис, астеизм, литоту и т. д.) и фигуры (антитеза, оксюморон и т. д.) [13, с. 192–193]. Особенно ярко это проявляется в антитезе, которая в обычном случае создает сложный, внутренне противоречивый, но цельный образ, который не является ни парадоксальным, ни абсурдным, ср.: *Ты и убогая, // Ты и обильная, // Ты и могучая, // Ты и бессильная, // Матушка Русь* (Н.А. Некрасов). В случае с тропами ситуация является более сложной. Хотя ирония, сарказм, литота предполагают, что в высказывании реализуется два смысла, которые являются противоречивыми (противоположными) и исключают друг друга, контрастные тропы также обычно не приводят ни к парадоксу, ни к абсурду. Намерение адресанта, использующего один из тропов контраста, однозначно считывается, поскольку буквальное значение слова или выражения вступает в противоречие с внеязыковым контекстом. Более того, понимание слова, выражения или целого высказывания в смысле, противоположном буквальному, оказывается необходимым именно потому, что буквальное понимание порождает абсурд [3, с. 39–41]. Следовательно, именно ироническое прочтение снимает противоречие между высказыванием и контекстом, становясь инструментом достижения однозначной интерпретации.

Поскольку в понимании иронии важную роль играет контекст, было бы закономерно предположить, что ироническое высказывание вступает в противоречие с высказыванием, которое описывает тот же факт буквально (пусть даже это высказывание остается имплицитным и подразумеваемым). Это означало бы, что в соответствии с предлагаемым в данной работе разграничением противоречие является внешним. Однако для понимания природы иронического высказывания существенно, что слово или выражение, употребленные переносно, не утрачивают своего буквального значения. Это означает, что оба противоречащих значения — и буквальное, и переносное — так или иначе соприкасаются в высказывании, даже если буквальное значение оказывается как бы «вытесненным».

Смысловое противоречие, будучи основной и самой разнообразной формой внутреннего противоречия, не является единственной его формой. Особый случай представляют противоречия произносимых слов реально совершаемым речевым действиям, то есть противоречие, которое можно охарактеризовать как **семантико-прагматическое**.

Характерным примером может служить парадокс лжеца в форме *Я лгу*. Парадокс лжеца обычно трактуется как исключительно смысловое противоречие: из того, что фраза *Я лгу* является истинной, следует, что эта фраза

является ложной, поскольку человек, который ее произносит, утверждает, что его слова ложны; но если принять, что данная фраза является ложной, то из этого следует, что данная фраза является истинной, поскольку отрицание фразы *Я лгу* дает *Я не лгу*, то есть *Я говорю правду*. Однако такая чисто смысловая трактовка парадокса *Я лгу* кажется неполной, поскольку в его формировании задействовано прагматическое измерение. (Остальные формы парадокса лжеца, например, *Данное высказывание является ложным*, реализуются исключительно в плане семантики.) Чтобы парадокс имел место, фразу *Я лгу* следует интерпретировать как перформативное высказывание (*Произнося эти слова, я лгу*). Если исходить из более соответствующей реальному узусу ретроспективной трактовки, соотносящейся с предшествующими высказываниями говорящего (*Иногда я лгу; Я часто лгу; Я никогда не лгу*), то парадокс не возникает.

Чрезвычайно близкой к парадоксу *Я лгу*, реализующим внутреннее семантико-прагматическое противоречие, является фигура речи, состоящая в притворном заявлении о нежелании затрагивать какую-то тему, которое сопровождается раскрытием этой темы. В риторике эта фигура известна как паралепсис (другие названия — фигура умолчания, апофазия, оккупация, претерияция) [8, с. 524–525; 13, с. 101–102; 15, 2014, с. 420–421]. Особыми вариантами этой фигуры являются каталепсис, предполагающий отрицательную оценку того, о чем говорящий притворно предполагает умолчать [8, с. 310], и прослепсис, в котором то, о чем предполагается умолчать, не только сообщается, но и описывается чрезвычайно подробно [8, с. 598]. Ср.: *Не стану описывать кушаньев, какие были за столом! Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу, ни об индейке с сливами и изюмом, ни о том кушанье, которое очень походило видом на сапоги, намоченные в квасе, ни о том соусе, который есть лебединая песнь старинного повара, — о том соусе, который подавался обхваченный весь винным пламенем, что очень забавляло и вместе пугало дам. Не стану говорить об этих кушаньях потому, что мне гораздо более нравится есть их, нежели распространяться об них в разговорах* (Н.В. Гоголь). Как справедливо указывает В.П. Москвин, для прослепсиса характерна еще большая абсурдность, поскольку заявляемое намерение умолчать о чем-либо не только не выполняется, но и многократно и демонстративно нарушается за счет избыточной подробности и детальности описания.

Паралепсис взаимодействует с другими речевыми явлениями. Паралепсис как особая фигура речи пересекается с *argumentum ad hominem*, а точнее, его разновидностью *tu quoque* («и ты тоже»), которая опирается на несоответствие слов и действий оппонента и наличие противоречия между ними. Однако это сходство является поверхностным. Во-первых, противоречие в пара-

лелпсисе связано с речевыми действиями и реализуется исключительно в речевой плоскости, тогда как *argumentum ad hominem* в форме «и ты тоже» в типичном случае опирается на противоречие между словами и невербальным поведением. С этой точки зрения паралепсис можно рассматривать как частный случай противоречия между словом и делом, поскольку он предполагает сужение действия до речевого действия, фактически совершаемого в момент речи. Во-вторых, противоречие между реальным речевым действием и его квалификацией, лежащее в основе паралепсиса и его разновидностей, реализуется одновременно на коротком речевом отрезке, то есть с большой вероятностью является демонстративным. В случае с *argumentum ad hominem* более естественным представляется сопоставление текущих слов оппонента с действиями, которые он совершал в прошлом. Наконец, в-третьих, в паралепсисе несоответствие между словами и делом обычно создается сознательно и демонстративно, с целью создания особого эффекта, тогда как противоречие между словом и поведением, доступное для атаки *ad hominem*, представляет собой то, что субъект либо не контролирует, либо предпочел бы скрыть. Именно демонстративность, заключающаяся в одновременной реализации двух противоположных намерений является причиной того, что паралепсис неуязвим для возражения *ad hominem*.

В силу противоречия между заявляемым и реально осуществляемым речевым действием паралепсис в некоторых отношениях пересекается с отдельными логическими парадоксами, в которых эксплуатируется прагматическая составляющая высказывания. Ярким примером служит уже упоминавшийся парадокс *Я лгу*, который можно интерпретировать как противоречие между эксплицитно совершаемым (заявляемым) речевым актом, находящим непосредственное выражение в перформативном употреблении лексемы *лгать*, и подразумеваемым речевым актом истинного утверждения, который является противоположным по своей направленности.

Тем не менее, охарактеризовать паралепсис как перформативный парадокс вряд ли возможно. Во-первых, подобного рода конструкции не являются перформативными, а перформативность — это обязательное условие формирования парадокса *Я лгу*. Во-вторых, противоречие в паралепсисе реализуется при помощи средств, которые не являются в строгом смысле слова симулянтными: совершение действий, которые противоречат заявленной интенции, осуществляется сразу после заявления интенции. В парадоксе *Я лгу* два противоположных смысла сосуществуют. Хотя смыслы, участвующие в формировании парадокса *Я лгу*, можно связать с разными аспектами его структуры (с грамматической структурой, семантикой глагола *лгать* и прагматикой высказывания), эти средства все равно накладываются друг на

друга, формируя целостную конструкцию, выражающую парадокс нерасчлененно.

Отметим, что семантико-прагматическое противоречие может быть только внутренним, то есть возникает только в рамках речи одного субъекта. Как показывает анализ, такое требование неприменимо к семантическому противоречию, которое в некоторых формах может опираться на противоречие между высказываниями разных людей или такое противоречие предполагать.

Разумеется, материал, изложенный в данной работе, лишь в общих чертах намечает возможности применения разграничения внешнего и внутреннего противоречия для анализа различных языковых и речевых явлений. В частности, описание явлений внутреннего противоречия допускает более глубокую дифференциацию. Давно было замечено, что противоречия могут возникать между значением слова и его коннотациями, между значением высказывания и пресуппозицией или

модальной рамкой [Радбиль, 2006, с. 83]. Однако проанализированный материал позволяет сделать вывод о значимости данного разграничения. Противопоставление внешнего и внутреннего противоречия позволяет разграничить явления, принадлежащие к полю парадоксальности и абсурда, а также коррелирует с разграничениями, закрепленными в науке (например, противопоставлением двух пониманий парадокса). При этом к формированию парадокса и абсурда приводит только смежная (одновременная или почти одновременная) актуализация противоречащих или противоположных смыслов. Принадлежащие одному человеку противоположные суждения, разделенные достаточно существенной дистанцией, являются скорее ошибкой либо непоследовательностью и к образованию парадокса и абсурда не ведут. Этот момент представляется важным, поскольку он показывает, что категории противоречия, парадокса и абсурда лишь пересекаются, но не совпадают, и ни одна из них не является включающей, то есть родовой, по отношению к другим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бен Г.Е. Смысл // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 5. Мурари — Припев. М.: Советская энциклопедия, 1968. 976 стб.
2. Благой Д.Д. Парадокс // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 8. М.: ОГИЗ, Советская энциклопедия, 1930. 736 стб.
3. Борисова Е.Г. «Понимаю, ибо абсурдно». Нетривиальные условия понимания // Абсурд в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2020. С. 34–43.
4. Гаспаров М.Л. Парадокс // Литературный энциклопедический словарь / Под ред. П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 267.
5. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2011. 472 с.
6. Ивин А.А. По законам логики. М.: Наука, 1983. 208 с.
7. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М.: «Наука», 1975. 720 с.
8. Москвин В.П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов-н/Д: Феникс, 2008. 637 с.
9. Москвин В.П. Риторика и теория аргументации. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 725 с.
10. Мусийчук М.В. О сходстве приемов остроумия и механизмов построения парадоксальных задач // Вопросы психологии. 2003. № 6. С. 99–105.
11. Радбиль Т.Б. Языковая аномальность в русской речи: к проблеме типологии // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1 (11). С. 77–100.
12. Федорова Л.Л. Импоссибилия: моделирование абсурда // Абсурд в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2020. С. 210–229.
13. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта: Наука, 2009. 432 с.
14. Шмид В. Заметки о парадоксе // Парадоксы русской литературы. М.: ИНАПРЕСС, 2001. С. 9–16.
15. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Под ред. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014. 852 с.

© Клецкая Светлана Ильинична (kleckaja@inbox.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»